

Михаил Зуев-Ордынец

Лагерь сделал меня идеалистом

Страницы из дневников писателя

Михаил Ефимович Зуев-Ордынец родился в 1900 году в семье сапожника. Окончив Ломоносовскую гимназию в Москве, он по собственному почину ушел служить в Красную Армию. Участвовал в Гражданской войне, командовал батареями, был разведчиком.

После 1924 года работает в редакции краевой газеты, с тех пор посвящает себя литературе. В его воспоминаниях не однажды говорилось о том, что он влился в писательские ряды вместе с С. Сейфуллиным, В.Ивановым, В.Кавериным, Н.Тихоновым, М.Шолоховым, В.Катаевым. Однако его литературная судьба сыграла с ним злую шутку: в 1937 году он арестован за свои откровенные дневниковые записи.

Подающий надежды литератор, получивший лестные отзывы М.Горького, автор уже восьми выпущенных книг попал в Карлаг. Его литературный труд был прерван на 19 лет, остаток дней он провел в борьбе с болезнями и лишениями. Но никогда не переставал работать.

...За последние двадцать лет жизни в Караганде, неутомимый труженик, незаурядный писатель кроме газетно-журнальных публикаций выпустил десять книг семисоттысячным тиражом.

Его дневниковые записи, начатые в 1955 году, хранятся в Карагандинском областном госархиве.

Предлагаем читателю небольшие отрывки из этих дневников.

1957 год.

12 февраля, вторник.

Внимание к человеку. Куплены книги. Пиш. машинка. «Вторая весна».

Будто бы горком партии заинтересовался мною и беспокоился о моем здоровье. На прошлой неделе приезжали два врача из 1-й клиники, уговаривать меня лечь к ним на лечение. Дадут отдельную комнатку, и т.д., создадут все условия, чтобы я мог не прерывать свою творческую работу. Ни до чего мы толком не договорились. Через день они должны были везти меня смотреть эти условия и знакомить с главврачом. Но не приезжали, и теперь я не знаю, что обо всем этом думать. Лечиться мне надо, а «Вторая весна?» Она идет очень-очень туго. Трети даже нет еще...

За это время купил лишь Раблэ «Гарг. и Пантагр...» Пришел первый подписной том Золя.

Получил от посылторга пиш.машинку. Регинка уже напечатала на ней 12 моих страниц.

24 февраля, воскресенье.

Меня критикуют. Купленные книги. «Вторая весна».

Меня буквально выпороли в «Лит.Газ.» за «Туман». По рецензии — это не рассказ, а сплошное убожество. Именно убожество, никак не меньше. Написал апелляции и в «Лит.Газ.» Кочетову, и в «Наш Современ.» Полторацкому и Зубавину. А что толку? Всенародно дали оплеуху, а мне остается только утереться!

За это время купил немало книг...

Дико гоню «Вторую весну». Поэтому и в дневник даже не пишу. Ну и получается дикая вещь.

27 февраля, среда.

Дело Сергея Кожевникова.

Вызывали в госуд.безопасность. Пережил тяжелые минуты, когда услышал его имя. Он просит о реабилитации

Вспомнились те годы всеобщего страха, незащищенности, когда люди становились клеветниками. Но это, конечно, не оправдание. Но и вина Сергея оказалась тяжелее, чем мне вспоминалось. Он говорил: «И сейчас есть у нас на флоте офицеры, которые будут стрелять по Смольному». Мне такие слова не запомнились. И была это, безусловно, мальчишеская трепотня!

Я сделал все, от меня зависящее для его реабилитации.

Тяжело! Какими нас сделал Сталин! Как изуродовали нам души, и с такой изуродованной, больной душой приходится жить...

23 марта, суббота.

Пленум московских писателей.

На нем похоронно прозвучали вколачиваемые в гроб «Критического направления» гвозди. Не расцвело и отцвело! Глушили дубиной Дудинцева, Яшина, Нагибина, Жданова. Была такая фраза: « Можно быть уверенным, что с этим направлением в нашей литературе покончено раз и навсегда!» Зловеще! Даже «лидер оппозиции» К.Си-

монов «сcurвился», напал на Дудинцева, которого до сих пор безусловно защищал.

Эх-хе-хе! Опять, значит, появятся «кавалеры» и «матросы».

24 марта, воскресенье.

Кончил «Вторую весну».

А что у меня получилось?

Как маятник, качаюсь между двумя мнениями.

Первое: написал дрянь, вещь холодная, не художественная и что самое страшное, не надуманная даже, а выдуманная. Жизни нет, есть холодная выдумка.

Второе: написал очень хорошую вещь, жизненную. И нужную, написал, не имея ни таланта, ни просто умения, написал каким-то чутьем, ощупью.

Посмотрим, где я прав. Но середины между этими двумя оценками быть не может, и не будет!

25 марта, понедельник.

Критика на «Станцию Любьянь».

Оказывается, обругали меня здорово и за «Станцию», некий Китайник в «Советской Сибири». Узнал об этом из «Лит.Газеты», но она взяла меня под защиту.

Написал Высоцкому. Прошу выслать этот номер «Сов.Сибири».

Достается мне последнее время от критиков! Только бока подставляй!

26 марта, вторник.

И снова «Вторая весна».

Не утерпел и начал обрабатывать вещь в последний раз. Но только последнюю треть. Две трети уже перепечатаны Регинкою.

Переживаю и убеждаюсь, как дрянцево написано, сколько дряни! Надо бы еще, еще и два раза еще переписать вещь.

5 апреля, пятница.

Развязался со «Второй весной».

Кончил и переработку последней трети в 3-й редакции. Все сдал Регинке. Теперь читка по машинке и — в Новосибирск, в «Сибирские огни», на суд!

И неотвязна мысль, что вещь надумана, придумана, выдуманна, и что здорово шлепнуть я с ней. Сяду в хорошую лужу!

По случаю окончания повести выпили с Регинкой. Как два боцмана хлестали под пельмени водку.

14 апреля, воскресенье.

«Лит.Газета» о «Тумане».

Получил письмо из «Лит.Газ.». Очень хорошее письмо! Правда, они спорят со мной по поводу моей реплики на рецензию, защищают свою точку зрения, но общий тон письма очень хороший. Особенно конец.

«И наша газета, и читатели знают Вас, Михаил Ефимович, как одного из старейших и опытных писателей, много сделавшего в литературе, особенно в области рассказа. Верим, что всем своим творчеством, будущими

своими произведениями Вы сумеете доказать случайность тех недостатков, которые нами отмечены в рассказе «Туман».

Спасибо, товарищи, спасибо! Сильнее бьется сердце и глубже дышится!

18 апреля, четверг.

Мой билет Союза писателей.

Сегодня получил его из Ленинградского отделения СП. Подписан А.Сурковым.

Счастлив, поистине счастлив!

21 апреля, воскресенье.

«Речуга» Н.С.Хрущева.

На приеме в Албанском посольстве закатил очередную «речугу». Так мог бы говорить о международном положении парторг какой-нибудь промартели по изготовлению висячих замков или валяных сапог. Столько же ума, блеска, главное, такта. Что за хамское обращение с послами, норвежским, французским, югославским? •

Нет, не дипломат Никита! В какой раз убеждаешься — говорить бы ему о кукурузе, а не в свою сферу не лезть. Стыдно за него.

9 мая, четверг.

«Вторая весна», главы 1 и 2.

Из читки-перепечатки ничего не получается. Получается серьезная переделка. Боже, когда же этому будет конец?

Главы 1 и 2 (школа). Содержание, особенно вторая часть куска, интересно. Но язык скверный, путанный, многословный, без прозрачности и точности.

21 мая, вторник.

Пленум СП.

Полностью с материалами еще незнаком, но уже чувствуется, что похоронен окончательно и глубоко «критический скептицизм». Опять выпали Дудинцеву, Гранину, Яшину, Кирсанову, Симонову, Берггольц и др.

Печально!? Грустно!

Интересно, что говорил Симонов. Каляся? Скоро узнаем.

11 июня, вторник.

«Подшипник».

Приехавшая из Москвы учительница рассказывает о случае на московском «Подшипнике». Весь завод демонстративно отказался подписаться на заем (!?) Приехали вожди. Между Фурцевой и рабочим происходит такой диалог:

Рабочий: Сколько Вы получаете в месяц?

Фурцева: 14000.

Рабочий: Сколько комнат в вашей квартире?

Фурцева: 7.

Рабочий: Семья большая?

Фурцева: Мать и я.

Рабочий: Больше вопросов нет.

Диалог между Хрущевым и работницей:

Работница: Когда Вы, Н.С., уничтожите налог на бездетность?

Хрущ.: Вы почему с этим вопросом именно ко мне обращаетесь?

Работница: Вы же, по Вашей инициативе он введен во время войны.

Хрущ.: А почему вы не хотите иметь детей?

Работница: А на что я буду их растить? Муж получает 600, я 400. А где я их буду растить? У нас одна комната. Прежде чем призывать воспитывать детей, надо дать возможность для этого.

И т.д., и т.п.

И наконец, когда вожди начали рабочих просить успокоиться и приступить к работе, рабочие ответили: — «Уезжайте. Пока Вы не уедете, не начнем работать!» Вожди уехали, и завод начал работать.

А правда-ли все это? Не сплетня ли? По словам этой самой учительницы, об этом «вся Москва говорит».

Вот именно «вся». Источник слухов очень широкий, а потому мутный.

А у меня здорово испортилось настроение. Неужели у нас дело так плохо?

9 июля, вторник.

«Вторая весна!!!»

Восторженное, поистине восторженное письмо от Анатолия Васильевича. Благодарит горячо за «Вторую весну»: «Умно, слаженно, взволнованно!.. Очень много хороших людей!.. За куст шиповника — низкий поклон! Это здорово! Повесть партийна!..»

Повесть намечена к печати в № 6.

Мне надо бы танцевать, а я в ужасе схватился за голову. Я же вижу, как она слаба, я же хотел ее переделать с ног до головы!

16 июля, вторник.

«Итоги!»

Читаю «Итоги второй мировой войны». Написан коллективом немецких авторов — фельдмаршалов, генералов, полковников, инженеров, экономистов, финансистов, ученых и т.д., и т.п.

Поистине руководство для желающих напасть на Совет.Союз. Все идеи, практические советы, стратегия, все направлено против нас.

25 июля, четверг.

Новые **книги**.

Сегодня удачный, уловный день на книги. Из Ленинграда прислали А.Толстого «Петр Первый» (три года ловлю) и интересный «Ленинградский альманах» со стихами и портретом Бориса Корнилова, убиенного. Купил второй цикл романов эпопеи «Пробуждение России». — «Пристав Дерягин», «Пушки выдвигают», «Пушки стреляют» и др., Вельман — «Приключения из моря житейского», Нурдаль Григ — стихи и роман, Кубинские рассказы и В.Тендряков — «Падение Ивана Чупрова» и "Не ко двору" (в одной книге).

Хорошо!

26 июля, пятница.

«Очернители». «Песни над рекой».

В «Лит.Газете» кто-то назвал писателей Дудинцева, Яшина, Гранина и др. — «очернителями». Вот вам и ярлык, а обещали, что больше ярлыков лепить не будут. И какой злобный, фанатический, драматический ярлык, вроде «гяур», «кафыр», «неверный», «нечистый», «еретик».

А я согласен с определением, очень точным, какого-то критика, что эти писатели, подобно Теркину, вырвались в наступлении далеко вперед и попали под огонь собственной артиллерии.

Поперед батьки в пекло не суйся!

Шестой раз переделываю «Песни над рекой» и все-таки не то, не то! Главная беда — многословие, водянка, скука. Надоело, в зубах навязло, работаю, с отвращением, но надо довести дело до конца.

30 июля, вторник.

«Повесть, которая не будет напечатана».

Начинаю собирать материал для повести, а может быть романа, которую ни один журнал не напечатает. Это повесть обо мне, с момента моего освобождения из лагеря и по сей день. Лагерь сделал меня идеалистом. Не зная во всей полноте и объеме того, что делается в стране в действительности, я верил газетам. Мое столкновение с действительностью и разочарование в ней.

Сюжет! Нужен сюжет, в котором развернется действие! Пока это еще замысел, статичная идея.

8 августа, четверг.

Переработка «Второй весны».

Господи, благослови!

Начал переработку «Второй весны».

И придется учесть новосибирские замечания. Надо признать, что в них много дельного, правильного.

13 августа, вторник.

Мокрейшее лето.

Удивительное дело, что случилось с Казахстаном.

На улице льет и льет дождь. Похоже на осенний Ленинград. Редкий день обходится без дождя и грозы. И большой жары нет.

21 августа, среда.

«Вторая весна».

Усиленно работаю, каждый день до двух-трех ночи. Интересно получается! Лучше, намного лучше! Все выпуклее, четче. Но по-прежнему не совсем доволен Самборским (прежний Неуспокоев). Надуманный он какой-то!

28 августа, среда.

Анекдот.

— Слышал? Стадион в Лужниках закрывают на два года.

— Почему?

— Никита Сергеевич будет тренироваться Америку догонять.

30 августа, пятница.

Письмо Б.К.Рясенцева.

Хорошее, дельное, умное. На 85% соглашаюсь с его критическими замечаниями и учту их при работе.

Между прочим, по его словам, повесть написана «великолепно по выразительности и точности языка». А по словам Лаврентьева — неряшливо, сыро, бесполезно.

Вот и пойми их, сибиряков!

19 сентября, четверг.

...Хорошая речь о делах литературных А.Соболева на парт.совещании в Кремле. Он сказал: «Долг советского писателя защищать советскую власть, а не нападать на нее». Вот умно!..

...Дрянь, и очень дрянь со здоровьем. Надорвался, что ли, со «Второй весной». Восьмой день не могу остановить обильное кровохарканье. А самочувствие — хуже не может быть.

4 октября, пятница 1957 года.

Новая Эра.

Сегодня у нас, в СССР, запущен искусственный спутник Земли. Сегодня мы вступили в новую эру. Человек сделал первый шаг в космическое пространство. В эру пара, электричества, даже атома человек вступал постепенно, незаметно, а тут — сразу дерзновенный прыжок. И сделал его Русский Человек.

Слава, слава, слава русскому человеку!

6 октября, воскресенье.

Спутник. Письмо Рясенцева,

Летает наша малютка!

Интересны отзывы за границей. Они всюду благожелательны, всюду восхищение, всюду, кроме, конечно, Америки. Там злопыхательствуют, стараются преуменьшить значение запуска и даже поставить под сомнение. Вот идиоты! У них же, в Америке, и принимали сигналы со спутника и даже наблюдали его. Но чувствуется, как там кое-кто скрежещет зубами...

22 октября, вторник.

Дж.Бернал — «Наука в истории общества».

Замечательно! Какое блестящее искусство — глубокие, сложные мысли изложить коротко, в немногих словах.

И еще! Диалектический материализм и даже историю партии надо бы преподавать по Берналу.

Прямо на морду Сталина, в энциклопедическом словаре, выписал бичующую оценку Сталина Берналом.

1 ноября, пятница.

Попробуйте у нас купить «Не хлебом единым»... С большим трудом, а достал. Хочу, чтобы стояла у меня на полках эта «эпохальная книга», зачинщица эпохи усмирного карателя литературного бунта.

А все-таки я — за!

25 ноября, понедельник.

Письмо Высоцкого. Глава из повести напечатана.

Очень хорошее письмо от А.В., теплое, сердечное, с беспокойством и заботой обо мне. И по-дружески жалу-

ется на трудности работы и общения с людьми, на людские подлости. Да-а, подлость! Много ее в нашей жизни!

И очень интересное сообщение в письме. «Красный факел» попросил у них какую-нибудь вещь, которую можно было бы превратить в пьесу. А.В. в один голос с Никульковым предложили «Вторую весну». А.В. уверяет, что получится замечательная пьеса: «Ах, как я хотел бы, чтобы получилась пьеса! Целина! Люди без подкраски!..»

Эх, вот бы! Только и скажешь!..

«Соц.Караганда» очень нарядно, выпукло дала главу из повести. Но по сути дела это ведь первая глава из второй части повести.

11 декабря, среда.

«Красный факел».

Письмо от Баландина о технике работы над инсценировкой повести. Конечно, как я и ожидал, предлагает приехать в Новосибирск.

Куда там! Я на кладбище собираюсь, а не в Новосибирск.

Предложил свой метод — работать одновременно, параллельно, а потом или остановиться на одном из вариантов, или свести.

И как-то мне глубоко безразлично, согласятся на мои условия или не согласятся, выйдет вообще что-нибудь из этого дела, или ничего не выйдет. Мертвое равнодушие.

Болезни!

16 декабря, воскресенье.

И снова, снова «Песни над рекой».

И снова, 7 редакция, перерабатывал рассказ. И снова не то, не то!

Нет легкости, изящества. Вымученный он какой-то, тяжелый.

Перерабатывал с 25 ноября до 4 декабря. Не записал об этом в свое время.

31 декабря, вторник.

Телеграмма Ольги. Авторские экз. «Сиб.огней».

Последний день года порадовал телеграммой от Ольги Берггольц. Напрасно я плохо думал о ней. Молчание объясняется ее болезнью. Передает привет от сменовцев. Обещает выслать одноклассника Бориса в ее редакцию. У меня гора с плеч! Тяжело плохо думать о людях..

Получил 8 экз. «Второй весны». Боюсь читать. Что-то напрокудила в повести рука редакции, рука Толи-младшего. Со всех сторон просят уже — «дайте почитать!..»

...Новый год встречаю в школе. Пригласили педагоги, за ...80 наших кровных целковых! Спасибо тебе, 1957-й! Ты был ласковым для меня!..

1958 год.

3 января, пятница.

Что интересного произошло за эти дни?

Интервью мое шикарно напечатано, даже синей краской.

Лев Марков восторженно отозвался о прочитанной им «Второй весне». Прочитал будто бы залпом, читал, не

отрываясь всю ночь и даже на работу опоздал. Запомнилась мне одна его фраза — «Ароматно написано!» Говорил он как будто бы искренне. Ну что же, приятно! Взяли повесть Альтшуллер и Ашкинадзе. Интересно, как им покажется.

Да, в последнем письме Высоцкий пишет, что повесть хвалили в Новосибирске, в Обкоме...

...Послал в «Соц.Караганду», в литстаницу, «В степи глухой» и «Факт, не известный газетам»...

...Отвечу на новогодние поздравления Эстер, Маляревскому, Лидушке-внучке, и покончу с «Песнями над рекой». Думаю послать в «Наш Современник». А потом — за старые рассказы, которые постараемся сделать новыми.

За работу, за работу!..
Здоровье — не плохо!

13 января, понедельник.

Литературный вечер, и даже ночь. Маляревский. Ангарская и ее «Дети».

В субботу приехала Эстер, ночевала. Устроили литературный вечер, прихватили и ночь. Сначала она прочитала мои «Песни над рекой», похвалила скупой и в «Наш современник» посылать не советовала. Она права. Потом читала переведенную ею с итальянск. пьесу Куфара, о детях — героях Сопротивления. Очень слабая пьеса, заштампованная. Эстер с этим согласна. Интересны фото с картин живущего в Италии болгарского художника. Вернее, интересны только портреты А.Эйнштейна, Тагора, Ганди, а картины неважные — сентиментальность, дешевая символика и т.д.

Были и Марковы, включились в литературные дебаты. Выпили, конечно. Разошлись поздно.

А в воскресенье приехал Маляревский. Жаловался на работу в объединении, просил советов и т.д. Постановили: усиленно, энергично организовать материалы для альманаха, сборника, как угодно называйте, и ставить перед местными властями предрержащими вопрос об его издании.

Маляревский привез мне на консультацию небольшую повесть «Дети». Умоляя прочитать, т.к. есть в вещи «что-то». Автор — преподаватель Саранского педучилища. Я начал читать в этот же вечер и увлекся, прочитал до конца. И написал восторженный отзыв. А теперь боюсь, что был восторг не от высоких достоинств повести во время чтения. Повесть отдал Эстер. Интересно, какая будет ее оценка.

Молодец Эстер, ах, какой она молодец! Старуха работает по 10 часов в сутки, и все-таки пишет, переводит, переписывается с обеими Германиями, Италией, Китаем и еще с кем-то...

14 января, вторник.

Рассказы (фотокопии) из Москвы. Гонорар за «Вторую весну». Напечатан «Факт».

День принес много приятного.

Лида прислала фотокопии рассказов. Великолепные фото, в натуральный размер журнальных страниц. По-

глядел, и многое-многое вспомнилось, и грустно-грустно стало. Не утерпел, и тройку рассказов прочитал. Но о впечатлениях после, сразу о всех рассказах, когда все прочитаю.

Одновременно получил гонорар за «Вторую весну» — 25000 с рублями. Ого!

И еще приятная весть. Наконец-то, через 7 лет, а «Факт» все же напечатали в «Соц.Караганде», правда, здорово изуродован т.н. (так называемой) «редакционной правкой».

И наконец-то письмо от Виктора. Обещает в конце месяца быть в Караганде.

Какой щедрый день!

25 января, суббота.

Провалившаяся конференция. Пичугин. Отзыв о повести. Пьеса.

Вчера позорно провалилась конференция читателей по роману Маковского «Год жизни». Не помогла и моя фамилия на афише. Вот если бы на афише фокусник или цыганский хор! Любят у нас литературу! У нас на Актаесе...

«...Из дальних странствий возвратясь», НА. Пичугин позвонил мне. Рассказывал. В Москве тишина и на стогах, и в кулуарах. Бунтовщики-очернители крепко скручены всеми узами и по рукам и по ногам. Его личные дела неудачны. В кино ничего не вышло. Меня это не удивляет. Оказывается, и «Сибирские огни» вернули ему и пьесу, и какой-то рассказ. Здорово!

...Письмо от Маляревского с отзывом о повести... «Чудная повесть. Она покорила меня своим романтическим очарованием... оригинальным, ни у кого до сих пор не встречал, восприятием целинной действительности, глубоким проникновением в психологию столь разных, столь далеких от стандарта людей...» Ну и ну!..

...А пьесу-то я уже пишу. На половине третья картина. Так легко, так гладко пишется, что это меня беспокоит.

4 марта, вторник.

«Ночи безумные». Результат — два плохих акта. Виктор. 25 лет спустя. Шерлок Холмс в родне. Здоровье. Письма Баландина. Отказ от договора. «Ура!». «Вторая весна» по Москов. радио. Куплены книги.

Надо, наконец, рассчитаться с дневником за месяц с лишком.

...Баландин прилетел 29-го, в день получения телеграммы. И сходу, едва он ввалился ко мне, началась совместная работа над пьесой. Ежедневно, с 2-х до 6-ти ночи. Потом мы назвали это — «ночи безумные». Без конца споры, варианты, все новые и новые формы, новые сюжеты, даже новые герои. Так 8 дней. Между прочим, в первые же Дни нашли другое название «Счастье трудных дорог». И потому тоже, что у нас получилась не инсценировка повести, а новая пьеса по мотивам повести. В работе успели полюбить друг друга. Лоллий чудесный человек! Улетел он 6-го февраля, увозя только 2 акта из 3-х, которые нам обоим шибко не понравились. И не было у нас ни на грош веры в успех нашего дела.

...6-го, только Лоллий из дверей, Виктор в дверь! 25 лет не виделись. Был он сопляком-мальчишкой в нашу последнюю встречу. Вырос хороший советский человек, честный, трудолюбивый, увлекающийся, с вечным огоньком в душе. Настоящий, чистокровный Зуев! Регина в него буквально влюбилась. Впрочем, ей в эти дни повезло, она и в Лоллия влюбилась. Виктор доставил нам много удовольствия своими детективными похождениями. Вот не думал, что у меня родственник будет Шерлок Холмс. И снова волнения, переживания!

...И когда 14-го улетел и Виктор, я почувствовал, что снова тяжело болен, как и в декабре. И снова Лидия Филипповна, проколы горла и т.д., и т.п. Но результатами до сих пор не могу похвалиться.

...И хоть бы был мне покой. Так нет же! Во-первых, невзирая на запрет медицины, продолжал и продолжаю работать над пьесой. Переписываю, переделываю здорово готовые два акта. А во-вторых, почти ежедневно, письма от Баландина, огромные. Пишет, что тоже снова работает. Просит советов, сам советует: новые замыслы, новые варианты, и его настроения, настроения, настроения! Была в одном из его писем интересная фраза — «Сегодня на спектакле «Оптимистич. Трагедия» читал Ведущего и убедился, что Ваш Чтец в сотню раз сильнее, ярче Ведущего Вишневого...»

Ого!

...Но кончаю о пьесе. Письма Лоллия становились все мрачнее и мрачнее. В адрес нашей пьесы в театре посыпались уже насмешечки, появилось неверие в наш успех, словом, началась «холодная война». Затем он написал, что тянут и с оформлением договора на пьесу в Обл. отделе культуры. Под впечатлением этого письма и измученный уколами в поликлинике, я сел и написал в Отд. культуры резкий отказ от заключения договора. А через день пришел и договор. Я отправил его обратно, не подписав. Жест! Лихой! Словом, последние дни настроение было безнадежное, хотя я и продолжал работать над пьесой.

И вдруг, именно вдруг, вчера телеграмма от Баландина: «Кричите «Ура!» Оказывается, Редлих, Высоцкий, Михайлов, Соколов — единогласно сказали: пьеса будет. Не ожидал! Жду подробностей...

...А сегодня снова хорошая новость, радость. Пришла телеграмма Высоцкого: «5-го слушайте по радио «Вторую весну». Я хватаю радиопрограмму, смотрю — верно «14.05. М.Зуев. «Вторая весна». Отрывок из повести».

Здорово!..

27 марта, четверг.

Письмо читателя. Пьеса. Книги.

Пишет некий Ховряков, карагандинец. Очень высоко расценивает «Вторую весну». Собирается, якобы, писать рецензию. Кто такой, не знаю, но кажется мне, что я встречал эту фамилию в «Соц.Караганде»...

...С великим отвращением пишу пьесу, всего только 5 картину — «Совещание в школе»...

28 марта, пятница.

Проклятая весна! Книги.

Всему человечеству — праздник обновления природы, молодежи — время любовных гонов, охотникам — открытие сезона, а мне — мучение. Особенно такая гнилая весна, как сегодняшняя. Невзирая на пенициллины, стрептомицины, фтивазиды, глюкозы — в трахею, в мышцы, вену, в желудок, самочувствие отвратительное. Проклятая весна!..

Книга — почтой из Симферополя и Караганды — прислали 3-й цикл «Преображенной России» Сергеева-Ценского и Фурмановский «Мятеж». По подписке — 2 том Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы».

Моя почтальонша говорит — **Мамкин** Сибиряк.

29 марта, суббота.

Хрущев на щите.

Ну, а что же дальше? То, что мы уже пережили, перестрадали? «Голос Америки» уже каркает: «Посмотрим, что теперь останется от ленинской демократии?»

Это, правда, голос — «Америки», но ведь и в Карканой иногда бывает зловещее пророчество. А в газетах уже, как и в старое проклятое время, Хрущев, Хрущев, Хрущев! Неужели не появится, и очень скоро, родной, великий, такой-сякой немазанный? Все зависит от ЦК. Если он будет таким же стадом, как и при Сталине, всего можно ждать, всего, самого худшего.

И не была ли «антипартийная группировка» ММК просто оппозицией против растущего самодержавия Хрущева? За это и Булганин скушан сейчас.

Что-то не жаль его.

7 мая, среда.

Пьеса окончена. Чего хочет Яновский?

Лоллочка прилетел 16-го. Встретились на крыльце. Я ушел в амбулаторию, он приехал и ждал. С первого слова — о пьесе. А работать на другой день начали с того, что чуть было не разъехались. Такие непримиримые были у нас позиции, как у Даллеса и Хрущева. А потом ничего, сработались. Уехал он 23-го, увозя оконченную пьесу. Последние два дня работали по 20 часов. И что у нас получилось — невозможно было судить. Голова гудела.

И до сих пор не читал пьесу. Брал несколько раз в руки и откладывал. Страшно! Думаю, что снова получилась дрянь...

...По словам Лоллия, Яновский собирается писать обо мне что-то, чуть ли не монографию. Просит сообщить ему мою библиографию.

Нет, не стоит обо мне писать. Нет ничего в моей прошлой работе, чем я мог бы хоть немного гордиться, чем был бы вполне доволен.

Нет, не надо обо мне писать!

19 мая, понедельник.

Гром победы, раздавайся!..

Письмо из Новосибирского книгоиздательства, подписанное директором Радько. Предлагают издать в 1959 году «Вторую весну».

Лагерь сделал меня идеалистом

Я только что собирался обратиться к **ним** с этим предложением. Хорошо, что не успел.

Гром победы!..

29 мая, четверг.

Радостная встреча будет!

4-го июня приезжают ко мне обе Лиды, бабушка и внучка. До чего же хочу я увидеть мою внучешку!..

1 июня, воскресенье.

День рождения.

Стукнуло 58!

Жизнь-то прошла уже. Я разменял ее на гроши, на горох с постным маслом, а Сталин, тоже приложив руку, обменял мне жизнь на тюремную баланду.

26 июня, четверг.

Внучка.

Две недели гостили у меня обе Лиды, бабушка и внучка. До чего же хороша у меня внучка! Слов нет!

Как сошлись они с Региной! Не отходили друг от друга и вечно в обнимку. Я со своей ммуростью и желчью меньше понравился внучке.

Отсюда мы их отправили на самолете. Поволновались, пока не получили телеграмму о благополучном приземлении.

19 августа, вторник.

Курорт **срывается**.

Телеграмма из Литфонда (Алма-Ата). Отказ. Лечфонд израсходован.

Сволочи! Называется, помогли больному писателю. В августе израсходован фонд на лечение. Вранье!

5 октября, воскресенье.

«Злая **Земля**».

Очень-очень приятное письмо! Калининградское книжное издательство предлагает издать «Злую Землю». Откуда они выкопали комплект «Всемирного Следопыта», вот что любопытно!

Итак, «Злая Земля» оценена по достоинству. Чертовски приятно. Это одна из любимейших моих вещей. Писалась она с волнением, и мне легко дышалось свежим воздухом Аляски.

Ответил, конечно, согласием!

29 ноября, суббота.

...Главная новость: тезисы Хрущева к XXI съезду партии. Как близки мы уже к коммунизму! Лет 15 — 50! А это секунда на часах истории! И как мало еще в наших людях коммунистического! Коммунизм и близок, и очень далек...

А теперь дела мои личные, следовательно, литературные:

С Калининградом, кажется, крепко договорились о «Злой Земле». Как вернусь из санатория, сразу возьмусь за нее. Но как, как быть с материалами? Я ведь не в Ленинграде теперь.

Отправил в «Молодую Гвардию» подправленное «Панургово стадо».

Против ожиданий, «Урал. Следопыт» охотно принял «Любимое блюдо». Будет напечатан в № 1 за будущий год. Туда же отправил «Белую полянку», возвращенную из «Сиб.огней». Но, уверен, и там поморщатся. А я уже знаю, как ее переделать, чтобы было наверняка.

И ошеломляющая, печальная новость — Анатолий Васильевич уже не редактор «Сиб.огней». Съели золотого старика «двухнедельные удалыцы», сволочи! Поставили ему в вину, шепотком, из-за кулис, и «пристрастие к Зуеву». Привожу строки из его письма: «А я им, сукиным сынам, ответил — да, я пристрастен к писателям, у которых «царь в голове». Тут я «монархист!» Золотой мой!..

Вот, кажется, и все!

Собираюсь в санаторий, в Боровое! Что-то оно мне даст! А мне так нужно, так нужно подлечиться и отдохнуть перед новыми большими работами. На будущий год планирую «Злую Землю» и сборник приключенческих рассказов. Работа-гора. Мон-блан!

Следующую запись в дневнике думаю сделать уже в санатории, в Боровом!

КУРОРТ БОРОВОЕ.

5 декабря, пятница.

Дорога. Виды Борового. Сомнение. Регинка не бросает меня. Палата.

Острота, именно острота впечатлений началась для меня уже в поезде.

Сказались мои последние годы тепличного режима. Ведь я более месяца не выходил даже из дома. Ехали ночью, но все же я с жадностью смотрел на станцишки и полустанки. Глубинка степей. Хотя, какая это еще глубинка! А утром с жадностью смотрел на не модно, но добротные одетых людей на станциях, на их обветренные, настегаемые морозцем, красные, ядреные лица. Народ районов, районная страна. Ну разве прежде, во время моих бродяжеств, обратил бы я на них внимание как на что-то особенное? А сейчас на мою истончавшую душу все это ложится крупно, выпукло.

Интересен город Щучинск, смесь казахстанского уже с сибирским. Вернее городок, но живой, оживленный, широко раскинувшийся по обе стороны жел.дор. дома: и казахстанские саманные мазанки, и сибирские бревенчатые, даже двухэтажные. Как давно не видел я бревенчатых стен. Но видно, что то — ветераны, с потемневшими бревнами. Щучинцы, как достопримечательностью, гордятся своим Домом культуры, который строится четвертый год и о котором упоминал в этой связи даже Тарапунька. Интересна церковь с двумя вычурными (под Василия Блаженного) и огромными куполами. Впечатление, что церковь приделана к куполам. И церковь разукрашенная, как ярмарочная карусель, новенькая, видимо благоденствующая. Поп модернизированный: молодой, во время войны был военно-морским офицером, и прямо с корабля — в духовную семинарию. По требам разъезжает в «Победе».⁴

Прекрасна дорога от Щучинска до Борового. Лес в горах, и в нем коридор прорублен. С каждым поворотом колеса — виды, пейзажи один другого ярче, прекраснее. И все это опять было слишком, было перегрузкой для

моей души узника и улитки. На меня навалилась непонятная тоска и страх...

Боровое, 6 декабря, суббота. Продолжение.

Неприятности начались на пороге курорта, в Куртбюро. Зав. сказала: — «Не нравится мне ваша одышка. Как вы будете в наших горах?» Начались разговоры, уговоры, торг. Наконец, зав. смилостивилась: «Ладно, я вас оставляю, но... Это «но» продолжалось и вчера. Я был все еще под сомнением и подозрением. Регинка развила большую энергию и добилась вызова врача, несмотря на праздничный день. Врач, красивая женщина, пожилая плечами, заключила, осмотрев и выслушав меня: «Попробуем Вас оставить, но... если будет худо, придется уехать. Дней через 7 — 10 решится, станет ясным, как Вы переносите здешнюю высоту».

Итак, я остался, но снова под «но».

Наконец, я попал в свою комнату 2 корпуса 11-го. Очень мило, даже некоторый уют, но все же в физиономии ее есть немало от больничной палаты. Бр-р-р! Но просто великолепен вид из нашего окна, с высоты, на красавца-озеро и дальше — хребты сопки.

Регинка уехала только вчера, ночевав здесь, уехала лишь после того, как узнала решение моей судьбы и отбыв в моей комнате.

Родная моя!..

Боровое, 8 декабря, понедельник.

Безжалостная правда.

Регинка перед отъездом здорово испортила мне настроение. Прощаясь, в последнюю минуту она рассказала мне.

В Куртбюро ей любезно дали комнатку совместно с женой работника Петропавловского обкома, тоже привозившей сюда мужа. Он заболел, сначала крупозн.воспален, легких, перешедшим в тб. на хлебоуборке. Его рассказ об уборке и передала мне Регина.

Много покалеченных и даже убитых машинами. Студенты на уборке — страдальцы, мученики. Рано начались холодные дожди, а они под открытым небом. Болеют многие и серьезно, врачей нет. Девушек-студенток насилуют, заражают венерическими болезнями... Хватит!

Куда скрыться от этой безжалостной, жуткой правды? Как скрыть ее? Она ворочается в душе и колет, рвет ее!

Боровое, 9 декабря.

Неистовый буран.

За окном хаос. Вековые сосны мечутся, качаются, дергаются, словно какой-то великан пытается выдернуть их из земли. Озера не видно. На нем пляска белых ведьм и бесов. Поистине — «вихри снежные крутя».

А у нас в комнате тихо, тепло.

Боровое, 10 декабря.

Тишина. Красоты Борового.

Буран стих, видимо, ночью. Утром встаем — за окном тишина. Не шелохнутся ни одной веткой сосны, озеро, выметенное бураном, блестя.

Я не могу налюбоваться нашим красавцем-озером. Оно прекрасно в любое время дня, но особенно хорошо при восходе солнца. Как раз в это время мы завтракаем. Именно из нашей столовой на него наиболее выгодный обзор.

Удивительно хороша здесь природа. Огромное озеро с заливами, мысочками, а по берегам его и целые хребты, и отдельные сопки самых разнообразных очертаний — и пики, и купола, и верблюжьих горбы, и многозубчатые, как пилы, и в виде руин замков и крепостей. Особенно причудливы, живописны сопки, поросшие лесом. Он поднимается уступами... А сколько каменных выходов, обнажений вокруг нашего корпуса — и в виде каменных матросов, скамей, лестниц или стен гигантской, циклопической кладки.

А вспомню наш Актас, наш 21 квартал — сразу представится тюремный двор.

Мне здесь очень нравится. Отдыхаю, именно отдыхаю, с величайшим удовольствием! Только вот сердце никак не может справиться со здешней высотой. Все еще трепыхается.

А какая прекрасная здесь курортная библиотека! Я нашел в ней многое, нужное мне по Аляске. Но это не беру еще. Взять это — значит начать работать.

11 декабря, четверг, Боровое.

«Белая полянка» в газете.

Еще в Караганде, в машине по дороге на вокзал, узнал от Литкова, что «Белая полянка» начала печататься в «Комсомольце Караганды». А сегодня получаю от Регины два номера газеты с рассказом.

Милая простота, доходящая до грубости невежливости. Автора не нашли нужным поставить в известность о печатании.

Боровое, 16 декабря, вторник.

Москва о «Второй весне».

Ховряков прислал мне сюда рецензии о «Второй весне» в «Октябре» Яновского и в «Москве» — Т.Громовой. Обе великолепны, обе очень высоко расценивают повесть. Мне особенно дорога оценка Громовой моего языка: «М.Зуев пишет ядреным, сочным русским языком». Она же кончает статью такими словами: «повесть безусловно заслуживает выхода на всесоюзную арену».

В чем же дело? Почему же не предлагает мне хотя бы «Роман-газета» публикацию повести? Снова и здесь нужен блат? А ведь «московская» рецензия была напечатана еще в мае, в №5.

Боровое, 18 декабря, четверг.

Что-то не ладится

у меня здесь и с отдыхом, и с лечением тем более. Все время температура, неважное самочувствие, слабость, отсутствие аппетита и по-прежнему проклятая одышка. И мысли мрачные лезут в голову.

А озеро, горы, сосны, небо, солнце — прекрасны! Но я смотрю на них с грустью.

Боровое, 20 декабря, суббота.

«Белая полянка» в «Урал.Следопыте».

Забыл записать, что получил сюда письмо от Захарова — «Полянка» будет напечатана в №3 в тек.году. Просят к июньскому номеру рассказ о гражд.войне — юбилей освобождения Урала от Колчака. Дам им, пожалуй, «Соленые рубахи». Просят «тряхнуть стариной», дать большую повесть или даже роман на 1960 год. Вот уж не знаю...

Нездоровится по-прежнему. Температура, и вообще очень неважно чувствую себя.

Боровое, 21 декабря, воскресенье.

Ничего-то я не знаю.

За окном мечется ветер, шумят сосны. Лежу на постели, гляжу в белый больничный потолок. Тоска посасывает душу. Думаю о себе, о прожитом и вдруг убеждаюсь, что прожил целую жизнь, а ничему по-настоящему не научился, ничего по-настоящему не знаю, даже то, что обязан знать основательно и крепко — литературу.

В памяти всплывают мои книжные полки, веду по ним взором и убеждаюсь: мне нужно, по сути, сначала серьезно перечитать: Шекспира, Ибсена, А.Франса, Золя. А Диккенс, Диккенс! Даже Лескова, Мольера.

Все читано урывками, от случая к случаю, не серьезно, не продуманно, без анализа и оценок. Список этот далеко-далеко не полный. Его можно продолжать и продолжать.

А жизнь-то уже прожита.

Боровое, 22 декабря, понедельник.

Беседка.

Есть в здешнем парке замечательное место. На макушке скалы (я добирался туда полчаса) беседка, открытая в три стороны. Боже, какой оттуда вид! Как просторно! Озеро во всей своей шире и оригинальности (напоминает фьорд), сопки противоположного берега, мрачная Синюха. Солнце, ветер! А вспомнишь нашу актаскую улицу — тюремный двор.

Но тянет меня в эту тюрьму. Родную.

Неважненько мне здесь. Вот даже гулять врачи запретили. Нездоровится. И вдали от Регинки. Поэтому тоскливо.

Боровое, 23 декабря, вторник.

Слушали по радио Хрущева,

его доклад на Пленуме о сель.хозяйстве. И вдруг вспыхнул злой, страстный спор. Двое за Хрущева, двое против него. На моей стороне был Яша Левенс, работник зерносовхоза, а два наших оппонента — люди городские, сель.хозяйства не знающие. Откуда у них такая ненависть, большая злоба к Хрущеву?

Боровое, 28 декабря, воскресенье.

Смотрю уныло в окошко,

на озеро, сопки, сосны. Гулять по-прежнему запрещают. Самочувствие неважное, соседи по комнате тупые, неинтересные, один, Жулинский, хам. Тоскливо, одиноко.

Спасает только прекрасная библиотека. Много об Аляске: Крафт, С.Марков, А.Ефимов, Адамов, В.Григорьев.

Даже газет нет.

1959 год.

Боровое, 2 января, пятница.

Новогодняя запись.

Прошедший год не был богат реальными успехами, но сделано многое, что принесет еще свои плоды.

Наступивший год встречаю с верой и богатыми надеждами. И он радует меня намеченными ожиданиями работы. Большими, интересными! Так хочется жить! А много ли осталось жить? Плоховато со здоровьем. И здесь врачи сказали: надежд на излечение нет.

И все же я надеюсь, надеюсь жить долго, много и много работать.

А встретили новый год русской пьянкой, т.е. безобразной, дикой. Ох, и пьют же здесь!

Боровое, 3 января, суббота.

Русская ракета!

Запущена! Создана руками русских людей. Новая планета солнечной системы.

Горжусь быть русским!

Великий мой народ! А эта очередная дуля!

Боровое, 4 января, воскресенье.

Вечная спешка!

И здесь, где я собирался только отдыхать, лодырничать, пребывать в приятном ничегонеделании, мне вечно некогда, опять и опять и каждый день надо что-то спешно сделать, висит и здесь на врату какая-нибудь спешная работа.

Плохо? Нет, пожалуй, хорошо. Очень хорошо!

Боровое, 5 января, понедельник.

Дискуссионный клуб.

Только что пришел из нашей курилки. Это поистине дискуссионный клуб, где много раз в день вспыхивают яростные споры по вопросам политическим, производственным, общественным, семейным и многим, многим другим. Для этого собираются сюда со всех этажей, и потому, что в нашей курилке тепло, весело, и потому, что можно поспорить до крика и махания кулаками.

Сначала о составе особенно яростных спорщиков: председатель колхоза, агроном, работники совхозов, демобилизованный по ввс военный летчик, теперь педагог; мастер ткацкой фабрики, прораб строительства, карагандинский шахтер, инженер экономист, фельдшер, бухгалтер, радиотехник. (Оставляю место, чтобы потом вписать по выяснению профессий). Рабочий-сталевар, часовой мастер, шофер, санитар-психиатр больницы.

30% из них партийцы. Возраст: не моложе 30 — 50 лет.

Причины спора: недовольство существующими порядками. Или, выражаясь точнее, существующим общественным строем.

Основные причины недовольства:

1. Тяжелая работа на производстве. Например Сталевар: скоростные плавки выматывают рабочего до предела. Выходишь с завода, и тебя качает. Необходимо выпить 200 — 300 грамм. Привыкаешь пить, если и не пил. И вот — чахотка. Доработался.

2. Беспросветная доля колхозника. Труд тяжелый, в суровых природных условиях, а лично тебе ничего не дает. Каторга!

3. Колхозная демократия по-прежнему только на бумаге. По-прежнему командует, вернее дергает райком: навязывает незнакомых председателей — бездельников и пьяниц, но партийных, по-прежнему навязывает нереальные планы посевов, строительства, и т.п. А попробуешь протестовать: грубые окрики, угрозы.

4. Нет и партийной демократии. Особенно нетерпимы партвожди к критике партнизов. Сразу угрозы, исключения из партии, и ходи, добивайся правды. И добьешься ли? Безответственность партийцев.

5. Комедия выборов. Навязывают незнакомых депутатов. И нет выбора в выборах.

6. Работа советских органов. Вельможи, не пробьешься на прием. А депутаты, за редкими исключениями, бездельники. А их снова выбирают, вернее — заставляют выбирать.

7. Безобразная организация хлебоуборки. Более чем на месяц отрывают от учебы школьников и студентов. Условия у них ужасные: голод, холод, калечат ребят.

8. Массовое воровство, взяточничество, «радение родному человеку», издевательства над маленьким человеком, очковтирательство.

9. Ложь в газетах, по радио, в литературе, кино, театре — всюду ложь, грубая, неумная ложь. А правде зажимают рот. Почему заткнули рот Дудинцеву? И даже — почему не напечатать у нас роман Пастернака? Мы сами разобрались бы, в чем там дело? Вообще высоко ценят, с любовью говорят о людях, пытающихся выступить с критикой существующих порядков.

Словом, мотивы знакомые. А подтекстом — во всем виновата советская власть. Она — причина всех бед и зол. А спроси — значит, долой советскую власть? Уверен, начнут протестовать, но фальшиво, клянусь богом, трусливо.

Боже мой, в чем же дело? Во-первых, в слабой идеологической работе. Главное в этом. Люди не умеют видеть, не умеют ценить то, что уже имеют.

P.5. Доволен всем только чабан в совхозе. Он круглый год проводит на отгонах: «Хорошо живем, лучше всех! Барашка кушаем, кумыс пьем, приемник слушаем, в баню в совхоз на машине ездим!..»

Но и этот от райской жизни заболел туберкулезом. И снова доволен — на курорт попал.

Боровое, 11 января, воскресенье.

Из письма А.В.Высоцкому

«...Не поймите меня превратно, но не могу я писать так, как приказывают. Нам говорят — пишите правду. Ах, если бы так! Но писать разрешено только одну сторону правды. А как быть с другой правдой, колючей, острой, которая вращается в душе, и колет, режет, жжет? Сколько подлости, мерзости, фальши, лжи, тупости кругом. Узаконенной, торжествующей, открыто и нагло презирающей все честное, всякие там идеалы. В зловонном тумане, поднятом имя, меркнет даже наша великолепная ракета-планета...»

...И я прихожу к твердому убеждению, вернее пришел уже, что надо кончать мне ст.н. «большой», «проблемной»

литературой. Кроме горьких разочарований и не шуточных мучений, она мне ничего не дает... А потому вернусь-ка я снова к милым моему сердцу сильным, смелым, благородным людям, к героям приключенческой литературы...

Боровое, 12 января, понедельник.

Соседи по комнате.

Пришли из кино. Начинают обсуждать картину, делиться впечатлениями. И мне буквально физически больно становится от их тупости и грубости, бедности мыслей. А они удивляются, почему я молчу, не принимаю участия.

Боровое, 13 января, вторник.

Твэн. «Простаки за границей».

Изумительно по чудовищной, простодушной, поистине проказной бескультурности и самодовольству автора.

Боровое, 15 января, четверг.

«Злая Земля».

Забыл записать. Прислали мне сюда копию «Злой Земли». Читал. Недоволен. Скучно, растянуто, вяло завязывается сюжет. Но есть много хороших мыслей по переработке. Можно сделать интересную вещь.

Боровое, 16 января, пятница.

Озеро.

Понял, почему мне так нравится озеро, почему я на улице и в комнате ищу его глазами. У него есть свое лицо. И лицо это нельзя назвать только красивым. И в лице этом есть что-то свое, оригинальное, одухотворенное.

Боровое, 17 января, суббота.

Почему в зрительном зале

раздается злорадный, торжествующий хохот большинства зрителей, когда «она» изменяет «ему» или намечается измена? Разве так радостно несчастье и горе обманутого?

Боровое, 18 января, воскресенье.

Мой литератур.юбилей.

Мне кажется, что «Урал.Следопыт» затевает что-то в этом роде. Захаров в письме просит уточнить дату.

Боровое, 19 января, понедельник.

Космический молебен. Отдых идет к концу.

Высоцкий пишет, что в Новосибирске попы служат что-то вроде благодарственных молебнов в честь запуска ракеты-планеты. Молодцы! Вот гибкая работа!..

...Курортный мой отдых идет к концу. А толку от него мало что-то.

Боровое, 20 января, вторник.

Ближние — это ад.

Что-то в этом роде сказал Селина. И очень верно сказал.

Три моих соседа по комнате — истинное мое мучение. Один хам Жулинский чего стоит. Его козлиная вонь пота. Радио во весь голос в семь утра. Ох! А воюю с ним один я. Остальные двое: немчик Левенс и самодовольный хохол Цоцур, или, кажется, Сосюра — безличные